

ОБРАЗЫ ОБИТАТЕЛЕЙ ВОДНОГО МИРА И ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ КАК ОСНОВА СРАВНЕНИЯ

С.В.Глуцук

(кандидат педагогических наук, доцент, Измаильский государственный гуманитарный университет)

У статті аналізується лінгвокультурологічна специфіка вживання образів мешканців водного світу і плазунів у порівняльних зворотах близькосторідних мов на матеріалі творів російських та українських прозаїків ХХ століття.

The article describes linguistic and cultural peculiarities of the use of water inhabitants' and reptiles' images in comparative constructions of cognate languages. The analysis is based on works of the Russian and Ukrainian authors of the XX-th century.

Понятие *образы обитателей водного мира и пресмыкающихся* мы рассматриваем как составляющие более широкого – *зооморфные образы*, впервые введенного в научный обиход авторами лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудковым (1). А данная статья представляет собой одну из наших попыток изучить лингвокультурологическую специфику употребления сравнительных оборотов со стержневым компонентом «животное» в близкородственных русском и украинском языках (2; 3; 4), что в настоящее время весьма актуально. И в этом аспекте существенный интерес вызывают также используемые в произведениях русских и украинских прозаиков ХХ века образы обитателей водного мира и рептилий, являющиеся основой сравнения и рассматриваемые нами как концептуально-языковые сущности – единицы языковой картины мира.

Сравнительные конструкции, содержащие в своем составе зоонимы, обладают высокими оценочными возможностями, поэтому активно применяются в речевой деятельности для образного описания человека, его действий, состояния и окружающих его реалий.

Цель статьи – контрастивный анализ наименований обитателей водного мира и пресмыкающихся, выявление специфики их употребления в сравнительных конструкциях, использованных авторами русской и украинской деревенской прозы ХХ века. Материалом для изучения избраны роман «Дом», повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька», «Безотцовщина», «Мамониха», «Жила-была сёмужка», рассказы «В Питер за сарафаном», «Собачья гордость», «Однажды осенью», «Сосновые дети», «Последняя охота» и др. Ф.Абрамова (5), повести «Последний срок», «Прощание с Матёрой» В.Распутина (6), повести «Родинне вогнище», «Мертва зона», «Шкільний хліб» Е.Гуцало (7) и роман «Тронка» О.Гончара (8).

Следует отметить, что к номенам водного мира и пресмыкающихся, в отличие от уже описанных нами зооморфных образов, эти писатели обращаются крайне редко.

Как известно, у каждого этноса есть свои стереотипы и символы, а базой для них выступает сравнение и другие мыслительные приемы (9). Наибольшей степенью стереотипизированности и символизированности в указанных произведениях обладают лексемы *рыба, лягушка, ящерица, змея, улитка, червяк, рак* и др., которые и воссоздают национально специфическую языковую картину мира этих славянских народов.

Используя прием сплошной выборки, мы выявили три группы исследуемых образов: 1) общие наименования, употребляемые в произведениях русских и украинских прозаиков; 2) номены, наблюдаемые лишь в романах, повестях и рассказах русских авторов; 3) образы, применяемые только в произведениях украинских писателей.

Первая группа представлена ихтионимами *рыба, рыбина / рибка, рибина* и рептилионимами *ящерица / ящірка*. К этой группе мы относим также серпентонимы *змея / гадюка* и, вслед за И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудковым (1), ставим их в один ряд (ср.: *пригреть змею (гадюку) на груди*).

Символика рыбы содержит много разнообразных, иногда противоположных значений. Со времен глубокой древности она ассоциировалась с Учителями, мировыми Спасителями, праотцами, мудростью.

Представления о рыбе тесно связаны с водой, водной стихией. В мифологиях мира вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, родник жизни, поэтому рыбы, свободно живущие в воде, в первосозданном океане, наделяются демиургической силой. Вода также вызывает ассоциации с неосознанным, в глубине вод спрятано знание, которое тяжело (или невозможно) найти человеку, но которое доступно рыбе. Поскольку вода очищает, а ритуальное омовение символизирует второе рождение, возвращение к первоначалу, то рыба, обитающая в воде, олицетворяет надежду на новое

рождение. Однако вода – это, как известно из мифов о потопе, грозная стихия, и здесь рыба может проявить свою силу и помочь человеку спастись.

Кроме того, вода – символ женского начала, в связи с чем рыба становится атрибутом многих Великих богинь (Атаргатис, Иштар, Астарти, Афродиты). Она может символизировать не только плодovitость, богатство, чувственную любовь, но и такие негативные стороны некоторых богинь, как надменность и жадность.

Во многих мифологических сюжетах, где гигантская рыба (или кит) глотает, а потом выпускает героя (например, в мифе об Ионе), рыба является некоторым эквивалентом нижнего мира, царства мертвых. Эти сюжеты свидетельствуют о процессе возрождения после символической смерти (10).

К тому же рыба – это один из важных символов христианства, долгое время она была тайным паролем христиан, находящихся во враждебном окружении язычников: Ichthus / Ἰχθύς (греч. *рыба*) – акростих, составленный из начальных букв греческих слов, образующих теологическое понятие Iesous Christos Theou Hyios Soter (Иисус Христос, сын Божий, Спаситель) (1, 143). Кроме того, по замечанию Е.Я.Шейниной, рыба ассоциируется и с философским камнем в его первичном состоянии, поскольку камень, как и рыба, рождается и живет в воде. Но вместе с тем она является и символом безвкусицы (*ни рыба ни мясо; оставаться пресной в соленой воде*) (11, 131).

Как считает Т.В.Козлова, *рыба* чаще всего характеризуется как нечто хорошо плавающее, задыхающееся и молчаливое (12, 10). А Л.Г.Олексишина называет еще одну ее особенность – грациозность движения (13, 98).

Образ рыбы в русском языковом пространстве, по мнению исследователей И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудкова, принадлежит к стереотипным. Она холодна, лишена разума и эмоций, в отличие от других живых существ, не издает звуков, может жить только в воде (1, 143), хотя известна всем рыба анабас, способная дышать атмосферным воздухом и передвигаться с помощью плавников по суше при пересыхании водоема (14, 35).

Вероятно, наблюдения за поведением рыб и позволили Ф.Абрамову использовать сравнение *как рыба* для образной характеристики задыхающегося человека и поэтому вызывающего ассоциации с ней: *Стоит (Анфиса Петровна) в заулке и, как рыба, открытым ртом хватает воздух* (5, Дом, 175); или разговорную лексему *рыбина* в значении *одна рыба, преимущественно большая* с целью описания подобного ей поведения: *Быстро вскочила (Алька) на ноги, платье с себя долой, в таз эмалированный воды, и начала, как рыбина, плескаться на всю избу* (5, Алка, 359). Такую же разговорную форму в составе сравнительного оборота встречаем и у О.Гончара, но уже для изображения самолета, своими размерами и движениями напоминающего рыбу, которая чувствует себя в водной стихии вольно, непринужденно, как и самолет в воздухе: *Клубок красного солнца палае крізь туманно-м'які тамарискові зарості, небо над степом чисте, і літак, як рибина, пішов угорі, крізь прозору океанську блакить* (8, Тронка, 314).

В свою очередь В.Распутин, прибегнув к творительному сравнению *рыбой*, описывает поведение людей, как и этот ихтионим, свободно ориентирующихся в пространстве: - ...*В такой туман надо рыбой быть, чтоб не закружатъ. Дела-а-а!* (6, Прощание с Матерой, 317). Кроме того, характеристиками, которыми обладает рыба, В.Распутин наделяет и картофель – один из главных пищевых продуктов жителей деревни: *Вот и гадай теперь бабы, когда копать картошку: по старым срокам оно вроде бы и пора, и охота, пока стоит погода, дать картошке как следует налиться – какой там летом был налив, когда она, как рыба, плавала в воде* (6, Последний срок, 15).

В зимнее время, когда рыбам не хватает кислорода в воде, они пытаются пробить лед, сковавший водоем, поэтому Ф.Абрамов употребляет устойчивое сравнение *биться как рыба об лед* для изображения бедствующего человека (12, 83), безрезультатно пытающегося сделать что-либо (1, 144), чтобы выйти из затруднительного положения: - ... *Что и за отец, что и за матери, коли до смерти детей своих не докормят? Вот он (Михей Кириянович) и бьется как рыба об лед* (5, Михей и Ирinya, 575).

В украинской прозе, в частности у Е.Гуцало, в отличие от русской, фиксируем употребление такого же ихтионима, но с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к-* и определением *золотая*. Как указано в большом толковом словаре современного украинского языка, *золотая рыбка* – одомашненный китайский золотой карась (15, 1029), это аквариумная рыбка. Она отличается укороченным широким телом и длинными плавниками, чаще всего бывает красно-золотистой окраски.

По наблюдениям Е.Я.Шейниной, золотая рыбка олицетворяет исполнение любых, самых несбыточных желаний и одновременно выступает символом воздаяния по заслугам, справедливости (11, 131). Кроме того, золотая рыбка – это прецедентный феномен (вспомним сказку о золотой рыбке).

Но Е.Гуцало в основу сравнения берет свойство золотой рыбки биться в волнах, поэтому у него сердце персонажа (который живет ради кого-то, отдан ему), имеющее такую же особенность, метафоризируется при открытом сравнении с этим ихтионимом: *Воно (щастя) ще там, у селі, коли тільки*

рушали до лісу, почало звільня затоплювати єство, а тут захлюпнуло її, і **серце** (Олени Левківки) солодко **забилося в його хвилях, наче золота рибка... наче золота...** (7, Шкільний хліб, 481).

Как стереотипный образ у русских и украинцев выступает и *ящерица* – небольшое животное с удлинённым, покрытым мелкой роговой чешуей телом, длинным хвостом и хорошо развитыми конечностями (16, 959).

В Энциклопедии символов отмечается, что ящерица олицетворяет «жертву малым во имя большого» (лучше потерять хвост, чем жизнь). А на Урале она представляет дух горы, богатой медной рудой (11, 114-115).

По утверждению Т.В.Козловой, ящерица чаще всего характеризуется как ловкая, проворная, изворотливая (12, 11), неуловимая, скользкая и юркая (12, 206). Возможно, поэтому Ф.Абрамов, описывая персонажа, скорость действия которого подобна этой рептилии, употребляет в качестве основы сравнения зооним *ящерица*: *Первой сбежала (Алька) по сходням, как ящерица, заныряла в расщелинах толпы* (5, Алька, 380). А О.Гончар такой же номен применяет для характеристики загорелых на солнце спин женщин, которые облазят, как, по всей вероятности, и у этих особей: *Бульдозеристи з крайнього столу делікатно звільняють місця жінкам-археологам, дарма що спину у них аж надто оголені й облазять, мов на ящірках...* (8, Тронка, 357)

Змея – это одно из самых противоречивых созданий природы в символике разных народов. Она – и символ мудрости, и символ вечности (змея, кусающая себя за хвост), и алхимический символ Меркурия в его первом состоянии (змея, обвившаяся вокруг золотого жезла), и древний герметический символ, который иллюстрирует основное положение эфирной физиологии (две змеи, обвившие центральный столб): восходящие змеиные энергии порождают вихрь энергии, преобразующей всего человека; и символ современной медицины (змея, обвившаяся вокруг чаши) и т.д. Кроме того, она считается воплощением зла и исчадием ада (11, 106-109).

Для русских и украинцев змея выступает стереотипным образом. Она холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение. Бытует представление о необыкновенной живучести змеи, что восходит к физиологической особенности периодически сбрасывать кожу. Она коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (1, 79). К тому же, по наблюдениям Т.В.Козловой, у змеи плохой характер, она некрасива, неприятна, жестока, хитра, льстива, лицемерна и неблагодарна (12, 9). А исследователи Т.В.Маркелова и О.Г.Хабарова к этому добавляют еще и ядовитость змеи (17, 21).

Столь негативные характеристики пресмыкающегося, по-видимому, и дали возможность Ф.Абрамову использовать зооморфный образ – серпентоним *змея* с целью описания лесного участка, воспринимаемого зловещим и предвещающим опасность: *Они (борозды), как желтые змеи, расползлись по гари* (5, Сосновые дети, 529). О.Гончар же употребил близкое данному зоониму наименование *гадюка* (ядовитая змея) для изображения артиллерийских снарядов, которые по внешнему виду и состоянию напоминают этих рептилий, обычно собирающихся в клубки и дремлющих в ожидании своей жертвы: *Наче на фронтових дорогах, пройшли тут (в степах перекопських) поперед будівників сапери, виймаючи з землі проіржавілі міни, важкі авіабомби та цілі звалища артилерійських снарядів, що, мов гадюки в гадючнику, дримали в цій землі, приховані бур'янами* (8, Тронка, 365).

Ко второй группе анализируемых образов, используемых, по данным нашей выборки, только русскими авторами, относятся *щука*, *лягушка*, *улитка*, *червяк*, хотя некоторые из них известны и в украинском фольклоре: *щуку кинути у річку* (вместо наказания создать для кого-то или чего-то лучшие условия, чем были), *ні рак ні жаба* (очень пьяный), *як жаба на кутині* (рассесться очень удобно, свободно, занимая много места; не сдерживаясь, без ограничений), *заморити черв'яка* (утолить голод, перекусить) и др., но, к сожалению, в анализируемых текстах они не представлены.

Щука – это хищная пресноводная рыба с удлинённым телом, сплюсненной сверху головой и большим ртом, усаженным острыми зубами (16, 945). Как главный речной хищник она, по словам Е.Я.Шейниной, символизирует прожорливость, агрессивность (11, 131). Кроме того, по утверждению Т.В.Козловой, щука характеризуется как нечто тонкое и бывалое (12, 11).

Однако у Ф.Абрамова фиксируем употребление икhtiонима *щука* в устойчивом разговорном и шутливом выражении *по щучьему велению*, являющемся прецедентным феноменом, так как щука – это и сказочный персонаж, волшебный помощник Емели, с целью описания скорости действия, осуществляющегося чудесным образом, само собой, без вмешательства кого-либо (18, 59), как бы по волшебству: *Быстро, как по щучьему велению, появились дрова в каменке, взбурлила вода в котле – рядом печка* (5, Мамониha, 452).

Стереотипизированным и символизированным образом для русских выступает и *лягушка* – бесхвостое земноводное с длинными задними конечностями, приспособленными для прыганья и плавания (16, 329). Тело у нее обычно стройное, в окраске наземных форм преобладают коричневые и

бурые тона, у водных – зеленые. В широком смысле слова лягушками называют всех бесхвостых земноводных.

У забайкальских эвенков лягушка считается творцом Вселенной, так как она вынесла в лапах землю из-под воды, но злое божество убило ее из лука, и тогда лягушка, перевернувшись кверху брюхом, лапами стала поддерживать землю, окруженную со всех сторон водой. В качестве символа земли лягушка фигурирует на бубнах шаманов. А у финно-угорских народностей Поволжья она выступает символом покровительницы домашнего женского дела и особенно ткачества. Мотив этот сохранен в русской народной сказке «Царевна-лягушка», в одном из вариантов которой она оборачивается веретеном (11, 109, 112). Можно сказать, что лягушка, как и жаба, выступает также символом уродства, за которым может быть скрыта прекрасная душа (превращение Царевны-лягушки в прекрасную девушку в одноименной сказке) (11, 106).

Чаще всего, по утверждению Т.В.Козловой, лягушка употребляется с такими определениями, как болотная, худая (12, 193), способная издавать специфические звуки – квакать (12, 109).

Очевидно, наблюдения за поведением земноводных и позволили В.Распутину использовать для сравнения с ними людей, условия жизни которых в Матёре подобны лягушкам: - ... *Нашли где жить – среди воды... как лягушки* (6, Прощание с Матёрой, 186). Ф.Абрамову же с помощью образа *лягушата* (детеныши лягушки) удалось вызвать ассоциации у читателя с большим количеством детей, хаотично и быстро рассредоточившихся в пространстве: *Заслышав топот коня, они (ребятишки) лягушатами рассыпались по сторонам* (5, Безотцовщина, 418).

Улитка – очень медлительное, неторопливое существо с маленькими рожками, она всегда носит на спине свой домик (раковину) и в случае опасности прячется в него (1, 165). Улитка и ее раковина, как отмечает Л.Г.Олексишина, олицетворяют невозможность существования двух предметов отдельно друг от друга (13, 100).

Русские характеризуют этот моллюск как скрытное, замкнутое, нелюдимое существо (12, 11). Пожалуй, потому и Ф.Абрамов, употребив зооним *улитка*, в одном случае изобразил человека, отгородившегося от окружающего мира с помощью больших, круглых, во все лицо фиолетовых очков: *Никогда не видишь глаз – как улитка в своей скорлупе запряталась* (дочь) (4, Дом, 168); в другом – предполагающего, что он может попасть в ситуацию, подобную существованию улитки: *А без пекарни какая жизнь? Залезай, как улитка, в свою скорлупу на задворках да там и захорони себя заживо* (5, Пелагея, 301).

Червяк (червь), по данным словаря И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудкова, – одно из простейших живых существ, окружающих человека, противопоставленное по своей примитивности и ничтожности высшим существам. Он скользок и неприятен, похож на змею, но лишен ее силы и коварства, не представляет угрозы. У червяка нет глаз, он не может видеть, живет в земле, поэтому связан с представлением о смерти; считается, что черви питаются телами покойников (1, 167).

В свою очередь Т.В.Козлова называет и такую специфическую особенность червя, как невзрачность, а Т.В.Маркелова и О.Г.Хабарова – вредность (17, 21). К тому же он маленького размера, извивается телом, унижается, угодничает и олицетворяет тоску (12, 11). Обычно номен *червяк* применяется для образной характеристики жалкого, ничтожного, и / или интеллектуально и духовно убогого человека (1).

Возможно, специфические особенности этого зооморфного образа и повлияли на выбор В.Распутиным средств для сатирического описания способности человека передвигаться под землей, чтобы добраться до спиртного: - ... *Она (теща), значит, наверху караулит, а он (Степан) снизу, как червяк, из одного подполья в другое* (6, Последний срок, 98).

Третья группа представлена конструкциями с опорными компонентами – названиями рыб: *окунь, сом, кит, рак*, используемыми лишь украинскими авторами, хотя отмеченные образы традиционны и для русских, например: *носом окуней ловить* (дремать), *окуньки редки – потеряй деньки* (бездельничать); *кит-рыба под землю дрожит, на другой бок переваливается* (о землетрясении); *рот, как у сома* (большой); *на безрыбье и рак рыба, рак не рыба, а прапорищик не офицер* (качественные характеристики), *как рак на мели* (находиться в крайне затруднительном положении) и др. Однако мы не зафиксировали таких фактов в анализируемых русских произведениях.

Окунь – пресноводная хищная рыба семейства окуневых зеленовато-желтого цвета, с черными поперечными полосами и красноватыми нижними плавниками (15, 669).

По-видимому, именно свойство этих рыб, в частности их мальков (детенышей), торопливо и хаотично двигаться туда-сюда и дали возможность Е.Гуцало сравнить действия детей с такими ихтионимами: *Діти шастають повід ногами, немов окуні в заростях лепехи, а передбачливіші та спокійніші вже повсідалися спереду...* (7, Родинне вогнище, 185)

В отличие от русских авторов, украинские употребляют в сравнительных конструкциях и части тела рыб (анимализмы). Так, Е.Гуцало, описывая шнурки на обуви персонажа, использует анимализм *вуса*

сома – большой пресноводной хищной бесчешуйчатой рыбы семейства сомовых, которая как раз и имеет несколько пар усов (15, 1160), шевелящихся в воде: - *Позавчора ви, Макаре Тихоновичу, - звернувся (директор) до завуча, - йдете по коридору, а шнурки на черевиках не зав'язані, пливуть собі по підлозі, як вуса сома* (7, Шкільний хліб, 443). В свою очередь О.Гончар, художественно изображая скирды сена, употребляет анимализм *голови китів* (кит – наибольшее морское млекопитающее, похожее на рыбу (15, 427)), поскольку стога сена напоминают это млекопитающее по размеру и цвету: *Темні далекі скирти, що, мов голови китів, впродовж дня виринатимуть з океану марева* (8, Тронка, 213).

Рак – это покрытое панцирем бесчленистое пресноводное животное класса членистоногих с большими клешнями около головы и животиком, похожим на хвост (15, 1014). Особой его приметой является то, что в горячей воде, во время приготовления его в пищу, он меняет свой цвет – краснеет. Именно это специфическое свойство рака дало возможность Е.Гуцало точно изобразить с помощью фразеологического оборота *наче варені раки* (19, 593) цвет лица людей, покрасневших в одном случае от стыда: *Через деякий час вискочили* (з учительської після розмови з директором) *Борис та Микола – обоє червоні як варені раки* (7, Шкільний хліб, 516); а другом – от жары: *В кабіні сидів Дробаха – він і шофер були червоні, наче варені раки* (7, Родинне вогнище, 59).

Итак, в результате анализа образов водного мира и пресмыкающихся, выступающих основой сравнения в произведениях русских и украинских писателей-прозаиков XX века, выявлены некоторые особенности их употребления. Наша выборка свидетельствует о том, что большая часть образов водного мира и наименования всех пресмыкающихся, как и инсектонимов (см.: 4), в русском и украинском языках используются с негативной коннотацией и чаще, чем собственно зоонимы (см.: 2). По-видимому, превалирование неодобрительной оценки объясняется тем, что у этих этносов образы водного мира и особенно пресмыкающихся уже на подсознательном уровне вызывают именно негативные ассоциации.

1. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. Первый /Под ред. И.В.Захаренко, В.В.Красных, Д.Б.Гудкова. – М., 2004.
2. Глушук С.В. Зооморфные образы как объект сравнения в языке русской и украинской деревенской прозы //Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Історичні науки. Педагогічні науки. Філологічні науки. – Ізмаїл, 2005. – Вип. 19.
3. Глушук С.В. Орнітоніми в порівняльних зворотах (на матеріалі творів українських і російських письменників XX ст.) //Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Історичні науки. Педагогічні науки. Філологічні науки. – Ізмаїл, 2006. – Вип. 20.
4. Глушук С.В. Инсектоморфные образы как основа сравнения (на материале произведений русской и украинской «деревенской» прозы) //Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: Історичні науки. Філологічні науки. – Ізмаїл, 2007. – Вип. 23.
5. Абрамов Ф.А. Дом: Роман. Повести. Рассказы. Публицистика. – М., 1998.
6. Распутин В.Г. Последний срок. Прощание с Матёрой: Повести и рассказы. – М., 1985.
7. Гуцало Є. Вибрані твори. – К., 1987. – Т.1.
8. Гончар О. Циклон. Тронка. Собор: Романи. – К., 1990.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
10. Риба. Міфи //http://www.newacropolis.org.ua/ua/interesting/symbols
11. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М., 2006.
12. Козлова Т.В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М., 2001.
13. Олексишина Л.Г. Лексико-семантические та стилістичні особливості зоонімних художніх порівнянь німецької мови: Дис... канд. філол. н.: 10.02.04 /Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича. – Чернівці, 2004.
14. Словарь иностранных слов. – М., 1989.
15. Великий тлумачний словник сучасної української мови /Уклад. і голов. ред. В.Т.Бусел. – К.; Ірпінь, 2004.
16. Современный толковый словарь русского языка. – СПб., 2001.
17. Маркелова Т.В., Хабарова О.Г. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом //Филологические науки. – 2005. - №5.
18. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.
19. Словник фразеологізмів української мови /Уклад.: В.М.Білоноженко та ін. – К., 2003.